



Сергей СОЛОВЬЕВ

Новые сборники стихов

<Рец. на кн.: Андрей Белый. Урна. Стихотворения.
М., «Гриф», 1909>

<...> Первую книгу своих стихов Андрей Белый назвал «Золото в лазури». Это сочетание слов впервые находим мы у Ломоносова:

Меж бисерными облаками
Сияют *злато и лазурь*¹.

И несомненно, с самого начала в поэзии Андрея Белого были черты сходства с Ломоносовым. У обоих поэтическое и естественнонаучное восприятие мира сливаются в нечто неразрывное. Сродство с Ломоносовым окончательно выяснилось в третьей книге стихов Андрея Белого «Урна», где к тому же естественнонаучному восприятию природы присоединяется стиль допушкинской поэзии, с его славянизмами, с его метрическими особенностями. Такие стихотворения, как «Ночь и утро», «Вечер», «Перед грозой» напоминают стихи Ломоносова о северном сиянии. И вся книга насыщена словами и образами допушкинской поэзии и лицейских стихов самого Пушкина, которые так резко отличаются от позднейшего Пушкина, Пушкина-байрониста и Пушкина — предшественника Тургенева и Фета. В «Урне» мы слышим то тяжелую торжественность державинской оды, то «свирели звук, унылый и простой», напр<имер>, в стихотворении «Ночь». Исчезла вся красочность «Золота в лазури», вся мистическая эротика «Кубка метелей». И вместо этого звучит грусть пушкинской элегии:

Какая тишина! Как просто все вокруг!
Какие скудные, безогненные зори!
Как всё, пройдешь и ты, мой друг, мой бедный друг.
К чему ж опять в душе кипит волнений море?

Иногда удается Андрею Белому быть по-пушкински простым, например:

Печален снеговой простор
 И снеговой сосновый бор.
 И каркающий в небе грач,
 И крыши отсыревших дач,
 И станционный огонек,
 И плачущий вдали рожок...

или:

Бывало, церковь золотится
 В окне над старою Москвой,
 И первая в окне ложится,
 Кружась над мерзлой мостовой,
 Снежинок кружевная стая...
 Уединенный кабинет,
 И Гёте на стене портрет...
 О, где ты, юность золотая?

В метрическом отношении «Урна» является ценным кладом. Андрей Белый открывает здесь новые возможности через замену ямба пиррихием в 2-й стопе. Правда, иногда он неумеренно пользуется этими заменами, лишая стих быстроты и легкости. Заменять ямб пиррихием во 2-й стопе в 3-х стихах подряд, причем в одном стихе и в 3-й стопе — пиррихий — есть уже злоупотребление, например:

Взорвите словеса святые,
 Ты — утренняя красота,
 Вы — горние края златые?

Богата книга и аллитерациями, и намеренными повторениями одного и того же слова. И тем и другим поэт иногда злоупотребляет, напр<имер>:

Душа: в душе — в душе весной весна,
 Весной весна, — и чем весну измерю?

Отметим еще злоупотребление славянизмами (хлад, серебро, золотой, медяный, некий, лобзай, червленый, отжени, емлют, дерева, словеса, обрящем, перловую, отторгни и т. д.), повторения излюбленных слов и представлений (ток, листовяный, замыл).

Занятен отдел «Философическая грусть», где разочарованный поэт предается занятиям неокантианской философией. Портит эти стихи некоторая двойственность и смешение стилей. Так, неокантианец любит «наготой молодых харит»². Почему же неокантианец, тип начала XX века, выражается по-державински? «Младыми харитами» может любоваться вольтерьянец. Для эротики неокантианца надо найти другие, более подходящие к современности слова и образы. Впрочем, смешение стиля XVIII в. со

стилем начала XX-го есть общий многим недостаток. Не то же ли видим мы иногда у Сомова?

Поэзия «Пепла» производила впечатление болезни. Поэзия «Урны» производит впечатление смерти. Поэт говорит об этом в предисловии: «Мертвое “я” заключаю в “Урну”, и другое, живое “я” пробуждается во мне к истинному. Еще “Золото в лазури” далеко от меня... в будущем. Закатная лазурь запятнана прахом и дымом: и только ночная синева омывает росами прах... К утру, быть может, лазурь очистится...»

Мы ждем вместе с поэтом очищенной утренней лазури; мы ждем новой его книги, книги о воскресении и жизни. <...>

